

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: религиозная идентичность, национальная идентичность, религиозность.

Вопрос о национальной идентичности в условиях глобализации неразрывно связан с обсуждением тем о религиозности, обнаружением глубинной связи человека и его веры. В личном пространстве современного человека религии принадлежит одна из значимых ролей, по причине того, что она вытеснена за пределы общественной жизни, а именно в область индивидуального, где совершается самостоятельный выбор. Будет ли такой формат построения вопроса назван впоследствии проблемой религиозной идентичности, во многом зависит от подходов и точек зрения авторов, спектр мнений которых сегодня широк: от утверждения ее наличия, до полного отрицания такого явления как религиозная идентичность.

Следствием глобализации стали процессы с иными, чем ранее, характеристиками. Речь идет о массовой коммуникации и миграции как феноменах XXI века. Происходящие в этих условиях обмены религиозными, этическими, мировоззренческими комплексами между представителями разных народов и рас, приводят к смешению смыслов, понятий и категорий социальных практик, к созданию нового символического ряда поведенческих актов. Это, в свою очередь остро ставит проблему соотношения национальной и религиозной идентичности. Например, офисный работник, китайского происхождения в центре Нью-Йорка может не ощущать себя наследником традиции конфуцианства и китайской культуры. Миграция как явление со своими особенностями в XXI веке, способствовала появлению обратных процессов, связанных с поиском национальной идентичности, которая самым тесным образом связана с религиозным самоопределением.

Русская национальная идентичность тесно сопряжена с православной традицией. Русскому человеку сложно строить свою национальную идентичность при помощи буддизма или ислама. Попытки строить свою идентичность на основании религиозных убеждений другого народа приводят лишь к заимствованию обрядов, традиции и культуры, к обезличенной эклектике, однако при этом вопрос о национальной идентичности так и не решается. Если вспомнить, то в истории человечества крайне мало примеров добровольного принятия народом другой религии.

Своеобразие заявленной проблемы для истории России усугубилось наличием длительного периода с доминированием атеизма и приоритетом научного мировоззрения. Современному интеллектуалу, так называемому поколению периода до и после перестройки, воспитанному на научном мировоззрении сложно принимать внешнюю обрядовую сторону религии своего народа. Привычка все подвергать сомнению порождает внутренний конфликт «интеллектуала» с религиозными установками, преобладающими в обществе на данном этапе развития. В результате, например, среди интеллигенции (постперестроечного периода) есть много невоцерковленных верующих.

Данный конфликт усиливает проблему национальной идентичности интеллектуала. Поэтому в современном мире растет число, так называемых, «граждан мира». Сам термин широко применяют патристически настроенные слои населения любого современного государства, как правило, наделяя его негативным значением. Поясним, что одним из официальных документов, фиксирующих этот статус, является Паспорт Гражданина мира, который выдается Всемирным Правительством граждан мира, созданным в 1953 году в США. Одним из первых этот статус в отношении себя обозначил Гарри Дэвис (США), в мире этот паспорт официально признается шестью государствами. Эти люди не идентифицируют себя с какой-либо нацией, называют себя землянами.

Необходимо отметить что, атеизм в рамках научного мировоззрения в значительной степени наследует идейный потенциал номинализма, где общим понятиям отказано в праве на онтологический статус (А. Г. Дугин, Д. В. Пивоваров). Современный западный атеизм ориентирован на индивидуализм и либеральную идеологию, которые отрицают существование народа как целостности. Народ и нация как образования в этой парадигме лишаются онтологического статуса. Атеисту сложно оперировать понятием «Тело Христово». Все это уводит в сторону от решения вопроса о национальной идентичности. Поэтому многие атеисты дрейфуют в сторону индивидуалистических либеральных ценностей. В конечном итоге это ведет к кризису не только национальной и религиозной идентичности, но и к кризису половой идентичности, к кризису идентичности человека как биологического вида. Примером могут служить идеи, развиваемые в рамках трансгуманизма. А. Г. Дугин в этой связи утверждал, что глобалисты-либералы ратуют не за права человека, а за права индивида, пол и национальность которого не имеют значения [4]. Начавшиеся процессы киборгизации человеческого тела в рамках тенденции трансгуманизма ставят под вопрос идентичность фундаментального порядка,

а именно вида *homo sapiens*. Именно при таких обстоятельствах, заявленные вопросы о национальной и религиозной идентичности становятся вторичными

Обострение вопроса о национальной идентичности проявило себя в таком явлении как оппозиция религиозности-светскости в XXI веке. Сама оппозиция на уровне массовой коммуникации, приобрела характер «дискуссионной площадки», границы которой включают в себя все те изменения, которые происходят с концептом «религия» в современном обществе. Проекции этих изменений просматриваются в трех значимых для индивидуального бытия сферах

Во-первых, в социальной сфере. Ярким примером будет вопрос о свободе выражения вероисповедания, в том числе заявленный на государственном уровне. Во-вторых, в сфере экзистенциальной, неожиданным образом выявившей специфику индивидуального бытия человека в городском пространстве, где исповедание веры и организационные формы, его поддерживающие, стремительно трансформируются. Не меньший интерес представляет геополитический контекст, соответственно сфера соотношения религии, политики и норм права. Например, дискуссия о семейном и общественном статусе женщин актуализируется в XXI веке именно в связи с тем, что процессы религиозной трансформации затронули самые неожиданные для прошлых столетий аспекты: гендерный, изменение функций семьи в постиндустриальном обществе.

В этом смысле вопрос относительно идентичности современного человека охватывает все имеющиеся области знаний о нем и его бытии. В богословском отношении, идея изменившегося положения человека в современном мире озвучивается, начиная со Второго Ватиканского Собора, Пастырское Постановление которого «*Gaudium et spes*» содержит утверждения о роли церкви в сегодняшнем мире. Таким образом, вектор организации массовой коммуникации о формировании значения религии для индивидуального бытия современного человека имеет свои внешние границы.

Не меньший интерес в этом отношении представляет проект «Новой евангелизации» Европы, где либеральные настроения некоторых протестантских церквей, несколько лет назад (в 2007-10 гг.) рассматривались как преграда для возникновения диалога с православными и католиками. В качестве примера, хотелось бы привести цитату из интервью (от 30.09.2010) митрополита Волоколамского Иллариона (Алфеева), который так охарактеризовал эту тенденцию: «сегодня некоторые протестантские Церкви, все более утрачивают специфический религиозный характер, постепенно превращаясь

в общественные организации, занимающиеся борьбой за социальную справедливость» [1].

Представления о религиозности, а в глобальной перспективе о духовности в начале XXI века вполне определенно демонстрируют выход за рамки конфессионального понимания и интерпретации смыслов религии, религиозного опыта, религиозной идентичности [3]. И тема христианского экуменизма в этом смысле показательна как никогда. Отклики на экуменические настроения, которые на сегодняшний день, логично осмыслить сквозь призму диалогового потенциала представляют национальный интерес. Так, для России эта тема сопряжена с оценкой либеральных настроений в современном российском обществе. А вот, что касается оценок российского духовного потенциала на Западе, то со стороны европейского сообщества экуменические настроения для России рассматриваются как наиболее подходящий выход из тупика «безверия» и секуляризма. Продемонстрируем этот настрой на ряде показательных высказываний. Например, об этом свидетельствует интересная и неожиданная по заявленным настроениям статья о Рудольфа Прокша «Новая Евангелизация в России» [6]. В 2014 году не меньший интерес представлял собой проект цифровой международной платформы для евангелизаторов со всего мира NubesDei (инициатором выступило движение «Думаю, поэтому верю»).

Вопрос о том, что права человека немислимы вне религии, трансформируется в более знаковое, явление, а именно: права человека более всего уязвимы именно в религиозной, этой самостоятельной и, казалось бы, независимой сфере. Достижением современного общества, стали варианты диалогов (например, верующих и неверующих; христиан и мусульман, иудео-христианский и лютеранско-православный), инициированные пересмотром роли церкви и религии в обществе.

Мир меняется, при этом свой особый отпечаток накладывает «вторжение техники и технологии в пространство священного, в область религиозного опыта» [2]. Типы и особенности проявления религиозности в таком ее аспекте как выражение религиозной свободы, при этом получают новое прочтение, как в западном, так и современном российском обществе.

К концу прошлого столетия оформилось значение понимания религиозной свободы в европейском контексте. Трансляция этого значения в российский дискурс происходит в осторожных формах, например, посредством ссылок на наиболее известные документы: в частности, сквозь призму признания Декларации прав человека

и гражданина (принятой депутатами Генеральных штатов 24 (26) августа 1789 г.), один из значимых для XX века документов. Именно в этом документе были определены индивидуальные права человека.

За пределами длительной (более, чем вековой) дискуссии, остались темы иного содержания: например, вопрос о национальной самобытности, который включает в себя и правовой статус вероисповеданий. Отсюда, на мой взгляд, и происходит необходимость уяснения того, что ранее именовалось нормой морали. Так называемый эффект нормативного и нравственного сопряжения нашел свое место в эпоху преобразований правовой практики последних десятилетий XX столетия, особенно в отношении религиозного опыта и религиозной идентичности.

Важным моментом для пробуждения национального самосознания является пересмотр таких тем, которые ранее были за пределами возможности дискуссий и тем более диалога о них. Например, очень серьезный вопрос для XXI века – вопрос о положении и роли женщины в церковной иерархии.

Спектр мнений, представленный вокруг наиболее острых тем, формирует пространство смысла, влияющее на формирование общественного мнения.

К числу таковых относится Барбара Халленслебен, профессор теологии Фрибургского университета, член Международной богословской комиссии Римско-католической церкви и Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Римско-католической и Православной Церковью. По ее мнению, католические церкви признают православные как сестринские – церкви, как те, где действует природа Христа. Позиция Б. Халленслебен представляет собой католический взгляд на Богословское содержание термина «церкви-сестры». В 2012 году указанная точка зрения была озвучена на международной конференции «Понимание задач следующего Собора Православной церкви» (18-20 октября 2012 года).

Интересно, что ссылка на булгаковскую концепцию о Софии, попытка осмыслить ее в контексте диалога между Востоком и Западом в озвученном тезисе о том, что «София является субъектом истории в ее трансцендентном единстве» будут представлять интерес с позиции позитивного отношения между Богом и человеком [7].

Со стороны западного сообщества, подобные опыты переосмысления литературного и культурного наследия не столь многочисленны. Принципы организации диалога в XXI веке таковы, что центральным (организующим) пунктом является дистанция в отношениях Я – Другой. Диалогизм как философская версия понимания изменений

в религиозном мире не транслирует той напряженности, которая возникает, когда диалогизм рассматривается в плоскости противостояния религий.

Если мы сделаем попытку тематизировать диалоги и то, как социальные проблемы затем преобразуются в масс-медиа, то в результате получим: политический и правовой контекст. Так, политическая подоплека, например, миротворческой темы в лютеранско-православных переговорах является тем отличием, которое не дает развиваться диалогу между христианскими и мусульманскими общинами.

Церкви превращаются в полноправных участников интеграционных процессов. По мнению Тимоти Бернса, ЕС был в значительной степени сформирован под влиянием католического социального учения. В этом отношении детальный анализ процессов интеграции, проведенный в статье С. А. Мудрова, демонстрирует развитие такого рода зависимостей [5]. Вектор современного положения заявленной интеграции меняется в сторону утверждения принципиального равенства религиозных объединений и философских и нерелигиозных организаций (Декларация № 11 «О статусе церквей и религиозных организаций»).

Таковы, факты, демонстрирующие, что палитра тем, определяющих отношение к религиозному опыту, духовности, религиозности, религиозной идентичности ангажирована, во многом, политическим влиянием. Будь то доктринальное изложение относительно духовности в истории церкви, или феноменологическое осмысление религиозности.

Вопреки всем процессам обмирщения замысла и вообще смысла религии для общества, она становится очень «близкой» современному человеку, неотъемлемой от него частью, в том числе обеспечивающей социальные гарантии, в рамках которых мыслится и конструирование национальной идентичности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 16-03-00387

Библиографический список

1. Алфеев И. О современном состоянии межхристианского диалога [текст]/ Портал Родон [сайт]. URL: <http://www.rodon.org/relig-100930104313> (дата обращения: 04.09.2017).
2. Брольо Ф. М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и Юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М.: ББИ, 2008. 437 с.

3. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы. Том I / Пер. с нидерл. (Серия «Диалог»). М.: ББИ, 2009. 590 с.
4. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект, 2013. 515 с.
5. Мудров С. А. Христианские церкви и европейская интеграция: параметры взаимодействия [текст] / Научный богословский портал Богослов.ру [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2820311.html> (дата обращения: 07.09.2017).
6. Прокша Рудольф о. Neuevangelisierung in Russland / журнал Der Christliche Osten №5, 1998, стр. 252-263 (сокращенный перевод статьи с немецкого языка).
7. Халленслебен Б. Кто субъект истории [текст] // Федеральный образовательный портал ЭСМ [сайт]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/463/724/1216/tretya_Hallensleben.pdf (дата обращения: 02.08.2017).

З. Е. Чернышкова

НОВАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ

Ключевые слова: духовность, новая духовность, спиритуальность, новые религиозные движения, Нью Эйдж, религиозный плюрализм, духовная революция, религия, религиоведение.

Одним из ключевых трендов в изучении современных проявлений религиозности является тема духовной революции или новой духовности, формирующейся ростом индивидуализма [1, с. 108]. Важнейшим проявлением духовной революции является изменение характера религиозности, более значимыми становятся личные религиозные убеждения, нежели институционально организованные формы религиозности. Довольно часто верующие, даже осознающие свою принадлежность к традиционной религиозной организации, выше ее ставят собственные убеждения, личную веру, что может проявляться в такого рода высказываниях: «я православный, но мировоззренчески мне ближе буддизм». «Таким образом, в современном научном дискурсе речь идет о смещении акцента на индивидуальную религиозность, “lived religion”, “everyday religion”, деинституционализированную религию, внеконфессиональную религиозность, “(new) spirituality”, (новую) духовность (спиритуальность). Так, например, Пол Хилас, основываясь на аналитических данных Швеции, США